

МУЗА — НЕРУШИМАЯ СТЕНА ДАЖЕ В ГОРОДЕ, КОТОРЫЙ РАЗРУШЕН

Анна Ахматова «Поэма без Героя».
Моноспектакль Аллы Демидовой с участием
Камерного оркестра театра «Новая опера»
(дирижер — Евгений Колобов)

В студенчестве рецензенту «Новой газеты» случилось читать Плутарха. Рецензент немного вынес, но одно рассуждение в нем застряло навеки. Обстоятельно доказывая, что властитель Крита и враг Афин царь Минос был правителем и воителем, но вовсе не исчадием ада, а хмурый его полководец Тавр не был человекобыком и не пожирал афинских пленников в лабиринте (как утверждали впоследствии гениальные трагики Атики), — Плутарх заключает:

«Из этого примера видно, как опасно навлекать на себя ненависть городов, у которых есть прозаики и поэты».

Россия начала XX века кажется разоренным городом, которому не достало поразительным образом ни прозаиков, ни поэтов, соразмерных его трагедии. И не оттого ли кажется теперь, что мы — родом из какого-то другого города...

Поменьше. С иным диалектом. С гоголевской лужей на пупе рыночной площади, меж управой и казармой. С довольно уездным архитектурным ордером.

Это ощущение растет и ветвится быстро, как липовые, осиновые побеги в трещинах ампирических фасадов некогда блистательной, балетной, а потом пыльной и обветшалой улицы России.

Посему, отправляясь на моноспектакль Аллы Демидовой «Поэма без Героя», рецензент ставил скверный эксперимент на себе.

...Этот текст оттолкнет ли ожесточенное восприятие?

Или овладеет сознанием, как это было с первыми слушателями в блокаде, а с нами пять-восемь лет назад?

...Алла Демидова не играет Анну Ахматову. К счастью, на сцене нет ни шали, ни кустарного платка в розанах, ни камей, ни черных агатов. Прямые, жесткие нынешние темные зеркала в латунной оправе не воспроизводят зал Фонтанного Дома, лишь напоминают о нем. И — бесконечно множат силуэт стоящей на сцене.

Рама без портрета, с воистину черным квадратом смотрит в зал. Ночной столик и кресло красного дерева — на сцене. В старом подсвечнике — одна прямая свеча. Актриса

одета и держится как «наследница по прямой». Той же породы, следующего поколения.

Мысль о предках и о потомках — одна и та же в сущности мысль. В 1920—1930-е и теперь — разрыв был бы (или — был) самоубийством: человек, не укорененный в своей культуре, погибнет от нелюбви к самому себе.

А мы... Мы родом из руин великого города.

Моноспектакль Аллы Демидовой — прямое, хриплое, горьковатое напоминание о том. Жест гражданского просветительства: счастливы страна и нация, у которой элитарная культура считает нравственно необходимым для себя именно такой жест, а слушатели воспитаны в готовности к восприятию.

Сама «Поэма без Героя», энциклопедия Серебряного века, была не в последнюю очередь таким жестом. И не ее ли художественной силе обязаны мы воскрешением той эпохи в сознании поколений 1950—1960-х?

А значит, и сохранением способности понимать текст как плотный сплав культурных слоев, все его третьи, седьмые, двадцать девятые смыслы.

О культурных слоях: составитель программки к этому моноспектаклю обязан показать текст умному филологу. Умный филолог — строк пять попросит исправить немедленно.

В «музыкальный контекст» поэмы наряду с «Чаконой» Баха, Седьмой симфонией Шостаковича, «Карнавалом» Шумана неотменимо вписан «Петрушка» Стравинского. В нем — лейтмотив поэмы. Петербургская арлекинада кукольного треугольника Петрушка—Балерина—Арап не случайно близка к фабуле «1913 года». Из балета в текст перешла Пляска Кучеров. Их объединяет и место действия — «балаганное» Марсово поле.

Страшная ирония петербургской топографии известна Ахматовой, это она отметит в записях: знаменитая в 1910-е годы дамская лавка «Смерть мужьям» располагалась на Невском чуть ли не в том же доме, который заняла военная прокуратура в конце 1930-х...

● Е. Д.

P.S. Этот камерный моноспектакль был бы идеальной основой для телефильма.

С комментарием, с крупными планами лица и жестов, с панорамной съемкой Фонтанки и Галерной, со всей пестротой одежды, лиц, полотен, театральных эскизов, втянутых в водоворот текста, — этот учебный для школ, гимназий, пединститутов предназначенный фильм учил бы прежде всего забытому изяществу жеста, строки и линии. Блеску высокой культуры. Уважению к самим себе.

Стоим мы этого наследия или нет, но оно наше.

Новая изд. — 2000 — 30 948 — 1 200

143

30